

ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ ОТПРАВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Обровец Ю.Ф.

Научный руководитель – доцент Коваленко А.А.

Томский Государственный Университет Юридический Институт

С точки зрения краткого исторического экскурса уместно заметить, что имущественная ответственность государства и судей предполагалась еще древним русским правом. Так, А. Куницын, характеризуя раннее новгородское судопроизводство, писал: "Посадник, Тысяцкий и Наместник Новгородского Архиепископа, за медленность решения исков о недвижимой собственности, платили по 50 руб. серебром... Сверх того должны были удовлетворить истца за все, причиненные им, протори и убытки".

Во второй половине XVI в. жалующийся на судебное решение был обыкновенным истцом, который подвергал судью взысканию, если выявлялась его виновность, иначе с жалобщика брали штраф "сверх его вины". Позднее, в эпоху же Петра I, разрешалось с государевых должностных лиц в партикулярных спорах "искать с них судом, где надлежит", по правилам, установленным в "Кратком изображении процессов или судебных тяжб" 1715 г. Однако после смерти Петра этот порядок был отменен.

На рубеже XVIII и XIX вв., по утверждениям А.Н. Фатеева, "Чтобы побудить судей, находящихся в таком "беззаконном положении", к беспристрастию, ...существовало правило, по которому судьи за каждую в высшей инстанции отмену их решения, подвергались штрафу от 5 до 10 процентов исковой суммы. Губернские судебные учреждения, как апелляционная инстанция, присуждали к штрафу в подобных случаях членов уездных и надворных судов, как суда первой инстанции, а сенат, в свою очередь, как третья инстанция, присуждал к штрафам членов губернских судебных палат, в конце концов все это падало на самих тяжущихся".

Из приведенной цитаты будто бы можно вывести, что до известных судебных реформ Александра II методы воздействия на судейско-чиновничий корпус были достаточно эффективными, ведь на этот счет существовали даже специальные Указы от 1834 и 1842 гг., ужесточающие ответственность членов суда. Но это очевидное заблуждение. Как это обычно бывает в России, жесткость законов компенсировалась необязательностью их исполнения, именно поэтому еще М.М. Сперанский в собственном "Плане государственного преобразования" 1809 г. рассуждал о необходимости повышения ответственности всего государственного аппарата перед населением, в том числе и судебного. Кроме того, в связи с отсутствием в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. процессуального порядка рассмотрения исков и жалоб на судей, произвол последних процветал, хотя третье отделение Уложения "Особенности наказания за преступления и проступки по службе" содержало целый перечень общих и специальных мер взысканий.

Пореформенное дореволюционное законодательство второй половины XIX в. более четко и подробно описало механизм привлечения должностных лиц судебного ведомства ко всякого рода юридической ответственности, в том числе посредством предъявления и рассмотрения исковых требований к представителям судебной власти. Как свидетельствовали Н.И. Лазаревский и Г. Пржевальский, в России для судей

установлены те же взыскания, что во Франции или Германии, и в этом нет ничего необычного, поскольку сами взыскания заимствованы из законодательств названных стран. "Согласно законов Франции: для судей установлены следующие взыскания в порядке дисциплинарного производства: 1) предостережение (*censure simple*); 2) предостережение с выговором (*censure avec reprimande*); 3) временное удаление от должности (*suspension provisoire*) и 4) отрешение от должности (*declianse*), - отмечал Г. Пржевальский. - Сверх того, французское законодательство предоставляет лицам, участвующим в делах, в ограждение их интересов, право иска об убытках, так называемое "*prise a partie*", за неправильные действия судей или нарушение предписанных законом формальностей. Правда, и у нас закон допускает иски об убытках с судей, прокуроров и других членов судебного ведомства; и у нас оправданный подсудимый не лишается права искать вознаграждения с должностных лиц, в том числе судебного следователя и прокурора, если можно доказать, что они действовали пристрастно, притеснительно, без законного повода или основания, или же вообще недобросовестно, но, насколько нам помнится, за все время существования новых судебных учреждений не было примера присуждения подобного вознаграждения.

Действительно, российские судебно-дисциплинарные законоположения, Устав уголовного судопроизводства (в частности, ст. 783), несмотря на всю краткость, не отличались абсолютной ясностью. Более того, они неоднократно дополнялись и изменялись, что окончательно запутывало ситуацию в области привлечения судей к ответственности, о чем подробно говорил другой признанный дореволюционный специалист по вопросам ответственности лиц, служащих в судебном ведомстве, В.А. Волконский. Однако существенно уже было то, что наряду с дисциплинарной, уголовной, наличествовала и гражданско-правовая ответственность в совокупности с процессуальным порядком осуществления. Так, по главе второй Устава гражданского судопроизводства "О взыскании убытков с судей, прокуроров и других чинов судебного ведомства" (ст. ст. 1331 - 1337) исходя из названия допускалось предъявлять исковые требования об убытках, выявленных во время и по итогам осуществления судебного разбирательства, к судьям, прокурорам и другим чиновникам судебного ведомства.

Поступать, таким образом, дозволялось лишь с разрешения вышестоящей судебной инстанции, в качестве которой выступали Судебная палата или Кассационный департамент Правительствующего сената, чьи постановления не подлежали обжалованию, чтобы исключить так называемые бездельные иски, то есть процессуальная процедура была достаточно сложной и многоступенчатой. Так, в рамках предварительного производства воспрещалось употреблять словесные объяснения истца, вызывать судью, заслушивать заключение представителя прокурорского надзора. Если же прошение истца расценивалось как состоятельное, то копии материалов дела направлялись привлекаемому судье для дачи объяснений, после чего назначалось закрытое судебное заседание в целях заслушивания судьи-докладчика и обер-прокурора. "Судебная палата или Сенат, признав просьбу о разрешении отыскивать убытки подлежащей удовлетворению, - гласила ст. 1335 УГС, - назначает Окружной Суд, в который проситель может обратиться с иском о вознаграждении сих убытков". Дальнейшее гражданское судопроизводство по иску о возмещении убытков подчинялось общим правилам.

Гражданско-правовая ответственность судей, по мысли высших судебных учреждений Российской империи, могла наступать только при обнаружении в их действиях злого умысла или пристрастия, сопряженного с неправильным толкованием и применением законодательных актов, которые составлены предельно понятно, как в

самом судебном разбирательстве, так и при постановлении окончательного вердикта. Вместе с тем нельзя сказать, что реализация ст. ст. 1331 - 1337 Устава Гражданского Судопроизводства всегда и повсеместно была единообразной. И все же, несмотря на всю свою сдержанность в данном вопросе, судебные органы старались наметить тот единственно правильный путь, который бы позволил соблюсти баланс частных и государственных интересов при материализации правосудной функции.

Таким образом, нужно констатировать, что отечественное дореволюционное процессуальное законодательство включало в себя особый правовой режим, цель которого состояла в привлечении к гражданско-правовой ответственности государства в лице судей за вред, причиненный тем или иным субъектам при отправлении правосудия по гражданским (уголовным) делам. Несмотря на все объективные трудности в данной сфере, настоящий материально-процессуальный режим с переменным успехом действовал вплоть до событий 1917 г., что влекло за собой заинтересованность представителей судейского сообщества в вынесении постановлений, соответствующих действительным обстоятельствам коллизии.